

А.В. Манойло

10.7256/2305-560X.2013.01.1

СИРИЯ И ИРАН В ПОЛИТИКЕ США: ЛИВИЙСКИЙ СЦЕНАРИЙ ПОВТОРЯЕТСЯ

***Аннотация.** В настоящей статье представлены результаты анализа возможных причин обострения ситуации вокруг Ирана и практики применения США современных технологий управления политическими конфликтами в Сирии. Многочисленные признаки и следы применения указанных технологий позволяют утверждать, что цветная революция в Сирии и управляемая эскалация конфликта с Ираном являются звеньями одной и той же операции США по переформатированию Ближнего Востока.*

***Ключевые слова:** Ливия, Сирия, Иран, финиковые революции, национальная безопасность, внешняя политика, международные отношения, международный конфликт, управление конфликтом, политическая модернизация, психологические операции, информационная политика.*

Ситуация вокруг Ирана с каждым днем становится все более запутанной, непредсказуемой и, в некоторой степени, пугающей. Официальной причиной «закручивания пружины» напряженности, неоднократно озвученной представителями США, является нежелание иранского руководства прекратить работы в рамках своей «ядерной программы». Главным вопросом, интересующим всех, заключается в том, приведет ли очередное обострение отношений между США и Ираном к началу нового вооруженного конфликта или новой войны, которая может стать даже более масштабной, чем недавняя операция сил США и их союзников по блоку НАТО в Ливии. Внешне конфликт с Ираном развивается по хорошо известному и многократно опробованному сценарию.

Обе конфликтующие стороны постоянно высказывают весьма воинственные заявления в адрес друг друга и проводимой ими внешней политики. Так, США многократно заявляли о необходимости уничтожения источника «мирового зла» в Тегеране, представляющего угрозу существованию всей западной цивилизации, и продолжают пугать мир иранской ядерной программой, имеющей, по их мнению, военный характер. Иран, в свою очередь, не менее энергично заявляет о своей готовности к отражению любой внешней угрозы, к осуществлению решительных шагов и принесению любых жертв для защиты своего государства, вплоть до блокады Ормузского пролива, по которому проходит основной маршрут транзита ближневосточной и североафриканской нефти. И это отнюдь не громкое заявление: угроза перекрыть Ормузский пролив вполне реальна, для этого Ирану даже не нужно привлекать значительные военные силы, достаточно уничтожить один-два танкера. В результате

этого разлившаяся горячая нефть сделает этот район невозможным для судоходства в течение довольно длительного времени.

Вашингтон в очередной раз разыгрывает карту с введением против Ирана новых санкций, оказывая энергичное давление на ООН и мировое сообщество в целом. Этим создается повод для консолидации своих союзников в некий антииранский альянс, который из экономического в любой момент может стать военным. Свежий пример применения такого приема — недавняя война в Ливии.

Израиль, чувствуя себя в центре внимания, в очередной раз предпринимает попытки выгодно воспользоваться созданным положением и фактом того, что именно от него, от его превентивного удара по Ирану может зависеть реальное начало вооруженного конфликта. При этом Израиль подчеркивает, что при возникновении хотя бы тени угрозы он способен сам за себя постоять и непременно нанесет удар первым, без учета правил игры, установившихся между США и Ираном. Тем самым Ирану дается возможность понять, что барьеры и балансиры, временно удерживающие США от немедленного начала прямой вооруженной агрессии (о которых безусловно знает руководство Ирана), для Израиля не имеют никакого значения и не являются сдерживающим фактором, так как Израиль в этом конфликте не встроен в американскую внешнюю политику и играет самостоятельную партию. При этом по отношению к США реализуется тактика «мягкого шантажа»: Израиль отказался дать гарантии президенту Бараку Обаме в том, что он предварительно предупредит Вашингтон о нанесении удара по иранской ядерной инфраструктуре.

Как сообщает лондонский еженедельник Sunday Telegraph, «Это усилило опасения по поводу того, что Израиль самостоятельно планирует операцию. Обама получил отказ, когда потребовал от Израиля предоставления конфиденциальных гарантий относительно того, что удар по Ирану не будет предпринят без предварительного уведомления Белого дома. Это говорит о том, что Израиль больше не добивается разрешения со стороны Вашингтона на свои действия относительно Тегерана» («Израиль может ударить...», 2011). Для подтверждения этой легенды была предпринята контролируемая утечка в СМИ секретной информации из спецслужб: то же британское издание отмечает, что «согласно опубликованным ранее данным источников в британской разведке, Израиль может атаковать Иран ближе к Рождеству или Новому году» («Израиль может ударить...», 2011).

Однако все это уже не раз повторялось в прошлом: Вашингтон неожиданно начинал демонстрацию агрессивного поведения в отношении Ирана, в ответ иранские политики поддавались на провокации и выдавали ожидаемые от них «нужные» заявления, Израиль закатывал истерику на тему «кругом враги» с выдвиганием таких требований к окружающему миру, будто знал точную дату прихода «судного дня», который «все спишет», а напуганная иранской ядерной угрозой Европа послушно одобряла введение новых санкций. Как правило, на этом все и затихало. Исключением из правил стала «зеленая революция», явно проводившаяся в тестовом режиме и не воспринимавшаяся всерьез даже ее режиссерами на Западе.

Здесь возникает вопрос: почему же теперь ситуация с Ираном должна развиваться по-другому? И насколько реальна угроза скатывания американо-иранского противостояния в военную фазу именно на сегодняшнем витке развития конфликтной ситуации?

Несомненно, нынешнее обострение отношений между США и Ираном имеет некоторые особенности, которые увеличивают риски прямого военного столкновения. Одна из них — в том, что США вступили в очередную, весьма сложную для своей внешней политики фазу, которая предшествует выборам нового президента. Известно, что американская политика имеет ярко выраженную цикличность и наиболее рискованные, агрессивные внешнеполитические решения, в т.ч. военные, принимаются администрацией США именно в преддверии очередных выборов. Цель этого предельно проста — завоевание голосов избирателей. Именно так начинались войны в Ираке и Афганистане.

В этом отношении Иран — весьма удобная мишень для излияния народного гнева и прохождения на этой волне президента Барака Обамы на второй президентский срок. А это весьма вероятно с учетом того, что не менее половины избирателей весьма сильно запуганы иранской ядерной угрозой и считают ее реальной, вторая же половина электората давно требует наказать это «государство-изгой», самим фактом своего существования подрывающее международный авторитет Соединенных Штатов.

Справедливости ради следует отметить, что именно в этот период не только Иран, но и другие идеологические противники США чувствуют себя неуютно, так как территория любого из них может быть выбрана американской администрацией для розыгрыша очередного предвыборного «спектакля» — в виде войны, вторжения или переворота. В это предвыборное время многократно повышается риск принятия неверного политического решения или внезапного дестабилизирующего эффекта, вызванного случайным стечением обстоятельств. Как определенные сдерживающие факторы в этих условиях следует рассматривать незавершенность военных операций в Ираке и Афганистане, отвлекающих значительные силы и ресурсы США, а также отсутствие окончательного результата в операции по смене политического режима в Сирии, являющейся сегодня практически единственным союзником Ирана на всем Ближнем Востоке и способной чувствительно ударить в «подбрюшье» экспедиционных сил в случае начала против Ирана военной операции.

Другим значащим важным фактором для развития ситуации вокруг Ирана является степень развития его ядерной программы, которая хотя и медленно, но движется к определенной поставленной цели. Качественным показателем этого движения являются успешно проведенные Ираном 2 января 2012 г. испытания новой ракеты-носителя «Гадер» с дальностью полета 200 км. Утверждается, что ракеты этого типа способны поражать цели на территории Израиля и базы США на Ближнем Востоке («Иран успешно...», 2011). По мнению МИД Великобритании, эти ракеты также могут нести ядерный заряд.

Вместе с тем, испытания этих ракет-носителей не следует рассматривать в качестве по-настоящему серьезной угрозы: это еще весьма «сырые», ненадежные изделия, имеющие низкую точность и практически нулевую защиту против современных средств ПВО. В условиях реальной войны из сотни таких ракет долетит одна, которая и упадет где-нибудь на весьма значительном удалении от цели. Для создания совершенной и надежной ракеты-носителя иранцам нужно то, чего у них сегодня нет — современных

технологий и достаточно длительного времени. Так что иранскую ядерную угрозу следует рассматривать, скорее всего, как миф, которым США пугают ООН и своих европейских сателлитов, но не в качестве реальной опасности.

Еще одной особенностью нынешних взаимоотношений между Ираном и США, в основе которой лежит экономический фактор, является весьма накладное для Америки содержание всех своих значительных группировок войск в Ираке и Афганистане, нацеленных для нанесения удара по Ирану. Особенно это касается содержания войск в Афганистане, где США и НАТО контролируют лишь незначительные плацдармы вокруг основных военных баз (имеющих стратегическое значение для военного контроля всего региона, не ограничивающегося только территорией Афганистана), оставив остальную территорию местной власти и талибам, от досаждающих нападений которых коалиционные силы вполне успешно... откупаются. Однако, «если курок взведен, ружье должно выстрелить», т.е. в рассматриваемой ситуации эти группировки должны быть использованы по прямому назначению. В противном случае, надо уходить из оккупированных стран, так как со временем в них начнется настолько массовое и организованное национально-освободительное движение, что американские и натовские силы оттуда могут просто не выпустить.

Вместе с тем, проблемы оппозиции в Сирии, где все еще держится режим Башара Асада, указывают на то, что время решительных действий США против Ирана еще не пришло. Американцы еще не завершили операцию по реформатированию Ближнего Востока, который в случае начала наземной операции против Ирана станет для США стратегическим, но весьма ненадежным тылом. Иран — часть исламского мира, который не останется в стороне от конфликта. Несмотря на то, что арабские страны, в основном, поддерживают США, их позиция относительно войны с Ираном наверняка не будет такой однозначной. Особенно в том случае, если Иран повторит опыт Ирака и нанесет удар по Израилю, который ему обязательно ответит.

В связи с этим становится понятна логика авторов цветных революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке: сметенные «арабской вестной» режимы в Египте, Тунисе, Ливии и находящийся под прицелом режим в Сирии были смещены (или находятся в фазе смещения), потому что были недостаточно надежны. Более того, они мгновенно перестали бы быть лояльными по отношению к США в случае выступления Израиля против Ирана. Как результат этого — в тылу американской и натовской коалиции сформировался

бы «второй фронт» из сплоченных военной необходимостью арабских стран. За короткий срок эта необходимость превратилась бы в национальную идею, которая объединила бы разрозненный и противоречивый арабский мир в новый халифат и стала бы непреодолимым препятствием для США в деле использования принципа «разделяй и властвуй» в арабском мире. Таким образом, цепь цветных революций в арабских государствах и настойчивое стремление провести такую акцию в Сирии носят явный характер «зачистки тылов» перед началом крупной военной операции в регионе, целью которой для западных коалиций может быть только Иран.

Следует отметить, что операция по «зачистке тылов» в определенной мере сегодня касается и России. Не секрет, что в организации протестного движения «За честные выборы» виден почерк режиссеров цветных революций, в котором наблюдаются все ее атрибуты — начиная от символики («белых ленточек») и заканчивая уровнем организации митингов и манифестаций, требующих вложения огромных финансовых средств. И совсем не случайно в Москву новым послом США назначен Майкл Энтони Макфол, талантливый автор и режиссер «оранжевой революции» на Украине и «революции роз» в Грузии. Если нынешний сценарий «белой революции» в России финансирует Вашингтон, то делается это, в первую очередь, с одной целью: если Россия будет занята собственными проблемами, ей на определенное время будет не до Ирана. Этого времени американцам должно хватить для начала и завершения наземной операции.

В целом, ситуация в Сирии сегодня развивается в полном соответствии со сценарием, отработанным в Ливии. В развитии сирийской и ливийской «революций» есть все признаки схожести:

- организация протестного движения внутри страны, которое напоминает массовую кампанию вербовки наемников;
- выдвижение на роль новых лидеров государства малоизвестных деятелей из числа эмигрантов (таких как кабинетный ученый Гальюн, постоянно проживающий в Париже), единственная ценность которых — полная управляемость и преданность своим западным кураторам;
- создание всевозможных «теневых кабинетов министров» и псевдонародных «фронтов», таких как «Патриотическая коалиция в поддержку демократических перемен», «Национальный Совет Сирии», позиционирующий себя как истинные представители народа и руководящие органы многочисленной внутренней оппозиции, недовольной режимом Б. Асада.

Все это известные элементы технологии организации цветных революций, отработанные в конфликтах в Югославии, Грузии, Украине (С. Кара-Мурза, С. Телегин и др., 1995), странах Центральной Азии, которые сегодня адаптированы для применения в традиционных восточных обществах, принадлежащих в основном к исламскому миру: в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки, в Иране. Цветная революция в Сирии явно развивается по ливийскому сценарию. Но стоит отметить, что и сама ливийская «революция» стала повторением и дальнейшим развитием технологических схем организации государственных переворотов, отработанных несколько ранее в Тунисе и Египте. В «революциях арабской весны» явно прослеживается итерационная схема, в которой один и тот же шаблон цветной революции последовательно применяется по отношению к различным арабским странам, причем каждый раз после завершения операции ее схема реализации подвергается обязательной технологической коррекции. В отличие от ливийской «революции», ситуация в Сирии развивается несколько менее динамично, но на это есть объективные причины. Ее относительная вялость вызвана, прежде всего, тем, что западные политтехнологи перед началом решительных действий (применения технологий «управляемого хаоса», так хорошо показавших себя в Тунисе, Египте и Ливии) стремятся заручиться поддержкой или нейтралитетом армии (для этого надо хотя бы немного продвинуться в ее разложении), с которой уже ведется активная работа по агентурным каналам, а также на вербовать «оппозиционеров» для участия в массовых акциях протеста и боевиков для наступательных и диверсионных действий (как показывают массовые митинги протеста против резолюции Лига арабских государств, принятой 12.11.2011 г. («В Сирии...», 2011), народ Сирии в основном поддерживает Асада, реальной оппозиции, даже действующей в подполье, в стране нет, есть только «имортный продукт»). Видимо, запуск революции в определенной степени тормозят причины чисто технического характера: необходимость тайно (от сирийского руководства и надзора мирового сообщества) перебросить в распоряжение оппозиционных сил внутри страны необходимые финансовые средства и оружие. Сирийское руководство не испытывает никаких иллюзий в отношении внешней подоплеку событий, происходящих в стране: так, по информации агентства EFE, 7 ноября 2011 года глава МИД Сирии Валид Муалем обвинил руководство США в том, что оно напрямую подталкивает сирийские

оппозиционные силы к насильственным действиям. Он утверждает, что призыв США к сирийской оппозиции не сдаваться властям свидетельствует о том, что Вашингтон призывает к мятежу и насилию в Сирии («МИД Сирии: ...», 2011).

Если конечной целью режиссеров «арабской весны» является не Сирия, а Иран, или даже Китай, зависящий от экспорта иранской нефти, то участь Сирии уже давно решена. И как бы Башар Асад не сопротивлялся, ситуация от этого не изменится. В стратегической комбинации, разыгрываемой США в регионе, Сирия лишь промежуточное звено, ступень, от которой зависит развитие всей операции (по подчинению Ирана и перекрытию нефтегазовых артерий Китая) в целом. Поэтому цветная революция в Сирии состоится, каких бы жертв это ни стоило: финансовых — для ее организаторов и человеческих — для сирийского народа и тех военно-политических союзников США, которые будут брошены Вашингтоном в очаг нового вооруженного конфликта. Однако на завершение реформирования Сирии потребуется время, и это именно то самое время, которым располагает Иран для того, чтобы сорвать намечающееся вторжение или, по меньшей мере, основательно к нему подготовиться.

В конфликте США с Ираном возможно повторение известной схемы, которую американцы достаточно качественно отработали в военной операции в Ливии: для того чтобы не выглядеть агрессорами в чистом виде (это могли позволить себе республиканцы, но не может позволить Б. Обама, избравший целью своей политики восстановление практически уже полностью утраченной «привлекательности образа американской демократии»), Вашингтон умело подтолкнул двух гиперамбициозных и черезчур честолюбивых политиков — Камерона и Саркози (двух «безумцев», как их нередко называют в европейской политике) — к развязыванию военных действий, переложив на них ответственность за этот шаг. Затем сработал верный расчет: когда в результате первых четырех месяцев военной компании силы франко-британской коалиции показали свою полную несостоятельность и оказались на грани военного коллапса, Вашингтон «вынужденно» пришел на помощь своим военно-политическим союзникам, которых США, конечно же, не могли бросить в трудном положении. Таким образом, свое вмешательство в конфликт США весьма удачно облекли в форму «морального долга» перед европейскими союзниками, совершив «благородный поступок». Точно такой же сценарий разворачивается сегодня в Сирии, где вооруженная на западные деньги оппозиция (по сути, мятежники) уже стоит на пороге того, чтобы втянуть во внутренний конфликт европейские страны, а затем

призвать США срочно спасти от поражения и тех, и других.

В этой ситуации несколько иную игру ведет Израиль. В Вашингтоне отлично сознают, что удар Израиля по Ирану может стать тем самым спусковым крючком, который инициирует конфликт, и одновременно прекрасным поводом для вмешательства в него США и НАТО — конечно же, под предлогом защиты своего главного стратегического союзника на Ближнем Востоке. В связи с этим понятны израильские заявления в адрес Вашингтона о том, что Израиль не считает необходимым заранее информировать администрацию Обамы о своих намерениях нанести предупредительный ракетный удар по Ирану: все это может быть хорошо поставленным спектаклем, разыгрываемым для европейских союзников, России, Китая и мирового общественного мнения в целом. Понятно, что по «сценарию» Вашингтон должен оставаться в неведении относительно серьезности намерений Израиль и реальности их воплощения в действии.

В противном случае к Вашингтону, знавшему точную дату и время превентивного удара, у многих возникнут вопросы: почему, зная намерения Израйля, он не использовал все имеющиеся у него рычаги давления для предотвращения этого удара, или, по крайней мере, почему Вашингтон не поделился этой информацией с международным сообществом, ведь речь идет об угрозе новой войны, возможно даже ядерной?

А так получается простая и очевидная схема: США ничего не знали, а Израиль, испугавшись очередных угроз со стороны Ирана, начал все по собственной инициативе. Что касается ответственности, что и здесь ответ очевиден — ну что взять с маленькой страны, постоянно находящейся в окружении врагов, ведь это же не сверхдержава, они же боятся каждого шороха. Не случайно Sunday Telegraph отмечает, что Израиль в отчаянии от того, что он «потерял надежду на возможность найти дипломатическое решение» в отношении ядерной программы Ирана, и поэтому предпринимает собственные шаги исключительно в целях самозащиты. С этой целью Израиль 2 ноября 2011 г. провел испытание баллистической ракеты, способной достичь иранской территории, которое стало первым подобным испытанием, начиная с 2008 г. («Израиль испытал...», 2011). Все это говорит об усиленной подготовке Израйля к войне против Ирана, либо, что вполне вероятно, что кто-то его к этому усилено готовит.

Все эти тактические комбинации весьма успешно вписываются в новую англосаксонскую концепцию управления международными конфликтами. Современная модернизация политической картины мира

сопровождается нарастающей хаотизацией международных отношений. В современном мире общее количество международных и внутривнутриполитических конфликтов продолжает нарастать, возникают их новые формы (этнополитические, религиозные), мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов дипломатии; «на смену национально-освободительным войнам против колониализма и неоколониализма приходит новое поколение значительно более опасных межцивилизационных конфликтов» (В.А. Кременюк, 2008). При этом международные конфликты становятся точкой пересечения интересов крупнейших мировых акторов — России, США, Китая, ЕС, и, одновременно, полем соприкосновения, взаимопроникновения и столкновения ценностей крупнейших мировых цивилизаций: христианства, конфуцианства и ислама.

Вместе с тем, в эволюции международных конфликтов возникла новая фаза — межцивилизационная. В этой фазе консолидация сил, средств и ресурсов его участников строится по принципу принадлежности к определенной культуре или цивилизации, что позволяет объединять и мобилизовывать намного более значительные людские и материальные ресурсы, а статус локальных конфликтов поднимать до уровня межцивилизационного противостояния. Концепция столкновения цивилизаций — это механизм мобилизации ресурсов нового поколения: он превосходит возможности национально-государственной идеологии, способной для участия в конфликте мобилизовать (по национальному признаку) ресурсы одного государства и его политических союзников. В конфликтах нового поколения мобилизация ресурсов идет на ментальном, ценностном уровне, объединяющем трансграничные и многонациональные массы людей, принадлежащих к общей цивилизационной парадигме или культурной традиции.

Межцивилизационные конфликты в международной практике повсеместно вытесняют традиционные формы конфликтов, построенные на столкновении интересов наций-государств (т.н. институциональные конфликты). Это ведет к тому, что на смену институциональным методам урегулирования конфликтов приходят культурно-цивилизационные модели внешнего управления, основанные на технологиях информационно-психологического воздействия. Их сегодня в мире четыре: англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская. Каждая из них стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира и системой ценностей. Национально-государственные принципы урегулирования конфликтов постепенно уходят в прошлое; общий упадок

«институциональной системы управления конфликтами подчеркивает кризис ООН как главного института миротворческой деятельности» (О.Г. Карпович, 2011, с. 12).

Современные международные конфликты, носящие характер столкновения цивилизаций, являются «плавильными котлами» существующих доктрин и очагами политической модернизации. Став в результате применения специальных политических технологий управляемыми, такие конфликты становятся инструментами политической модернизации системы международных отношений, эволюция которой может быть направлена в определенное русло. Управляя международными конфликтами, можно управлять политической модернизацией. Для ведущих мировых держав, стремящихся к глобальному лидерству, сегодня выгоднее сделать международный конфликт управляемым и затем использовать его в своих целях, чем способствовать его мирному разрешению. Вот почему идеология управления конфликтами сегодня активно развивается всеми ведущими мировыми лидерами, а концепции управления международными конфликтами выдвигаются ими на передний план миротворческой деятельности.

Одновременно, с доминированием в современных международных конфликтах идеологии межцивилизационного противостояния, в миротворческих операциях происходит смена целеполагания: вместо объекта, который надо «склонить» или «принудить» к миру, международные конфликты начинают рассматриваться как объекты внешнего политического управления, не предполагающего их прямое и скорейшее разрешение. Умиротворенный конфликт в современной глобальной политике не интересен и не выгоден никому (кроме мирного населения): в мирной фазе он не может обеспечить геополитический перевес в данном регионе ни одной из великих держав.

Однако, сегодня проблема миротворчества состоит в том, что смена базовых ценностей и самого характера целеполагания в современных операциях по урегулированию конфликтов ведет к накоплению конфликтного потенциала, стимулированию множественности конфликтов, их массовому замораживанию в результате современной «миротворческой» деятельности и прямой опасности срабатывания кумулятивного эффекта — одновременного спонтанного размораживания указанных конфликтов, в перспективе.

Сложившаяся ситуация требует от мирового сообщества не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликты, но и формирования новых парадигм управления ими. Такой парадигмой сегодня становятся концепции и модели управления конфлик-

тами с помощью технологий информационно-психологического воздействия, основанные на культурно-цивилизационных ценностях и традициях. Эти ценности у представителей разных цивилизаций заметно различаются, даже если сравнивать между собой англосаксонские страны (США, Великобританию) и страны романо-германского мира (Западную Европу), принадлежащие одной западной культурной традиции. Поэтому говорить об универсальности ценностей сегодня, как минимум, преждевременно. Помимо англосаксонской модели управления конфликтами, свои культурно-цивилизационные и национально-государственные модели предлагают ведущие страны Западной Европы (Германия, Франция), Азиатско-Тихоокеанского Региона (Китай, Вьетнам) и Ближнего Востока (исламский мир). Сегодня все эти модели еще находятся в стадии бесконфликтного сосуществования и даже в некоторых случаях дополняют друг друга. Однако, «этот временно установившийся баланс сил может измениться в любой момент» (О.Г. Карпович, 2011, с. 14-15).

В рамках культурно-цивилизационной парадигмы внутренняя подсистема системы мировых моделей управления международными конфликтами, представленная политикой молодых государств Африки и Латинской Америки, также стремящихся участвовать в управлении конфликтами на основе собственных цивилизационных представлений, может быть представлена в виде диалектического единства и борьбы интересов новых акторов миротворческой деятельности в базе, формируемом векторами внешней политики и миротворческой деятельности мировых лидеров (США, КНР, Россия, ЕС и т.д.) в своем соперничестве за влияние в зонах конфликтов.

Каждая из четырех доминирующих сегодня в мире моделей управления конфликтами (англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская) стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной ценностной картиной мира, считающейся представителями этой модели наилучшей и наиболее совершенной. Ни одна из них не предусматривает свободы выбора со стороны участников конфликта и принципа состязательности среди самих моделей в борьбе за право разрешить конфликт: везде речь идет исключительно о цивилизаторской миссии и управлении «втемную». Это со временем неизбежно приведет к жесткой конкуренции между моделями и отвлечению внимания от собственно проблемы мирного разрешения конфликтов. На фоне этого соперничества в систему уже существующих мировых моделей управления конфликтами обязательно должна войти новая компонента, предусматривающая для участников

конфликтов добровольный выбор между моделями на основе наилучшей альтернативы и соответствующие гарантии реализации права такого выбора. Такой моделью может стать российская цивилизационная модель, поскольку принципы альтернативности близки российской практике разрешения политических конфликтов.

Какие же прогнозы сегодня можно сделать относительно дальнейшего развития ситуации вокруг Ирана?

С нашей точки зрения, несмотря на всю остроту противостояния, Иран для США не может быть стратегической целью. По большому счету, весь регион, на влияние в котором претендует Иран (Центральная Азия, часть Ближнего Востока), является для американской внешней политики глубокой периферией. Линия противостояния США и других полюсов современного мира, в том числе России и Китая, проходит не по Ближнему Востоку и уж тем более не по Центральной Азии, а по территории объединенной Европы.

Какие выгоды получит США, уничтожив режим исламских мулл? Влияние в регионе — возможно. Но, скорее всего, Китай займет эту нишу гораздо быстрее американцев, к тому же он ближе. Контроль над иранской нефтью — несомненно. Но компании США уже сейчас контролируют огромные запасы энергоресурсов Ирака, Ливии и ряда других стран. Иранская нефть, добытая ценой войны, им по большому счету ни к чему. Контроль над Ормузским проливом, являющимся ключевой транзитной артерией для поставщиков нефти из района Персидского залива — конечно, привлекательная цель. Однако этот контроль и так, в определенной мере, обеспечивается для США их военным присутствием в регионе и мощной группировкой военных кораблей, а также военным потенциалом союзников из числа арабских стран, доказавших свою верность в военных компаниях в Ираке и Ливии.

Ликвидация иранской ядерной программы? Вероятнее всего, для США это тоже не самоцель. Без современных ядерных технологий Иран не создаст конкурентное ядерное оружие, для которого, помимо заряда, требуется еще совершенный носитель, обладающий необходимой точностью, надежностью и способный преодолеть системы ПВО и ПРО.

Какую же цель преследуют США в противостоянии с Ираном при высокой вероятности получить еще один крупномасштабный вооруженный конфликт, который, скорее всего, будет намного больше и опаснее вьетнамского? Наиболее очевидный ответ можно найти в характере отношений США с Китаем, главным соперником и конкурентом Америки на мировой арене.

Современные отношения США и Китая описываются формулой «конструктивного сотрудничества», в которой важную роль играет парадигма мирного сосуществования двух держав. Во многом такое положение вещей выгодно Китаю, который пока еще не является сверхдержавой и не может конкурировать с США ни по объему ВВП, ни в военной сфере, ни в сфере финансовой. Однако имеющийся разрыв между США и КНР в этих областях быстро сокращается. Китайская экономика гигантскими темпами движется вперед, юань становится региональной валютой и в зонах преимущественного влияния Китая постепенно вытесняет доллар и йену. А если учесть то, что в 2017 г. Китай завершает комплексное перевооружение НОАК, то после этого справиться с ним будет совсем непросто. Понимают это и США. И, видимо, готовятся к будущему военному столкновению с растущей мировой державой, которая в скором времени наверняка захочет заявить о себе в новом статусе.

Вместе с тем, для принятия исторического вызова Китая Соединенным Штатам необходимо вновь набрать экономическую мощь. Это Вашингтон рассчитывает сделать за счет нового прорыва в промышленных и финансовых технологиях, что вполне реально, но требует времени, которое Штаты должны выиграть у Китая путем замедления темпов его развития. Наиболее вероятный путь достижения этой цели — перекрыть поставку в Китай углеводородов, без которых стремительно растущая китайская экономика задохнется. И именно в этом направлении США уже многое делают.

Так, гражданская война и иностранная интервенция в Ливии привела к власти проамериканский марионеточный режим, который тут же перекрыл поставки нефти в КНР. Ранее, при Каддафи, Китай получал из Ливии до 13% всей необходимой ему нефти. Еще один источник нефти, Дарфур (мятежная провинция Судана) в годы временного перемирия между крестьянами-фура и кочевниками-арабосуданцами давал Китаю до 18% всего объема потребляемой им нефти¹. Но недавно ситуация в Дарфуре вновь обострилась и сейчас там с новой силой вспыхнула гражданская война. Эти обострения гражданской войны в Судане происходят не без американского участия, поддерживающего повстанцев; отряды арабосуданцев, в свою очередь, деятельно поддерживает Китай.

---

¹ Впрочем, в рядах повстанцев-фура довольно много арабосуданцев, а в арабосуданских отрядах джанджавидов встречаются и темнокожие фура. Это указывает на то, что истинные причины конфликта, возможно, лежат не только в плоскости межнациональных отношений или конфликта скотоводов и земледельцев. — А.М.

Еще один поставщик нефти, Иран, обеспечивает своими поставками 26% всех необходимых экономике Китая энергоносителей. И в этом плане вполне понятным становится интерес США к поставкам иранской нефти и газа в Китай. В случае перекрытия этой артерии, Китай будет испытывать явный дефицит углеводородов, а попытки компенсировать потери наращиванием поставок нефти и газа из Центральной Азии могут наткнуться на новую волну цветных революций, не раз гулявших в регионе. В этом смысле становится понятным стремление США ввести в отношении Ирана новые санкции, запретив всем импортерам, в т.ч. и Китаю, покупать иранскую нефть.

Исходя из этих предположений, напрашиваются два вероятных сценария развития ситуации с Ираном.

Первый сценарий будет разыгран США при условии того, что Китай присоединится к санкциям против Ирана и добровольно откажется от поставок иранской нефти, т.е. сам себе перекроет жизненно важную для его экономики артерию транзита углеводородов. В этом случае войны, скорее всего, не будет: Иран для США, скорее всего, не самоцель, а лишь фигура в разыгрываемой ими стратегической комбинации.

Второй сценарий вступит в силу в том случае, если Китай проигнорирует требование США и по-

прежнему будет закупать у Ирана нефть. Тогда Соединенные Штаты, скорее всего, попытаются перерезать эту артерию китайской экономики силовым путем, расправившись с Ираном в ходе быстрой военной операции: Иран, при всей довольно высокой боеспособности его армии и наличии в его распоряжении еще одних, альтернативных армии, вооруженных сил — Корпуса стражей исламской революции, вряд ли сможет защитить себя от такого удара. Но главным условием для начала такой операции является надежный тыл, в котором сегодня остается только один незамирный очаг напряженности — Сирия во главе с Башаром Асадом. Поэтому, как только с ней будет покончено, возможно, наступит черед Ирана.

Надо отметить, что перестройка экономики и финансовой системы США уже началась: контролируемый финансовый кризис позволил Вашингтону консолидировать все финансы страны в руках трех крупнейших банков, где их проще мобилизовать для достижения любой глобальной цели. Несложно проверить, что аналогичные процессы в американской истории также имели место перед двумя мировыми войнами — Первой и Второй.

Так что же это, признак того, что США готовятся к очередной мировой войне? Если да, то с кем? На эти вопросы точные ответы даст время.

Список литературы:

1. В Сирии проходят массовые акции протеста против решения ЛАГ. [Электронный ресурс] // Росбалт. 2011. 11 ноя. — URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/11/13/911709.html>
2. Израиль испытал баллистическую ракету. [Электронный ресурс] // Lenta.ru, 2011. 02 ноя. URL: <http://lenta.ru/news/2011/11/02/missile/>
3. Израиль может ударить по Ирану без «разрешения» США. [Электронный ресурс] // Вести.ru, 2011. 13 ноя. — URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=629691&cid=9>
4. Иран успешно испытал ракету большой дальности. [Электронный ресурс] // Подробности. 2012. 02 янв. — URL: <http://podrobnosti.ua/power/2012/01/02/812901.html>
5. Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А., Мурашкин М. Экспорт революции: Саакашвили, Ющенко... [Текст]. М.: 1995.
6. Карпович О.Г. Современные подходы США и Европейского Союза к управлению международными конфликтами. [Текст] // Политика и общество. 2011. №12. С. 12-17.
7. Кременюк В.А. Современный международный конфликт: проблемы управления. [Текст] // Международные процессы, 2003. Т. 1. №1.
8. МИД Сирии: Вашингтон призывает оппозицию к насилию. [Электронный ресурс] // Взгляд. 2011. 7 ноя. — URL: <http://vz.ru/news/2011/11/7/536740.html>

Основные публикации:

1. Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов / под ред. проф. А.И. Петренко. М.: Горячая линия — Телеком, 2008. 92 с.: ил. (24,5 печ. л.)
2. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. 388 с. (24, 25 печ. л.)

Международные отношения International Relations

---

3. Манойло А.В. Технологии психологического управления международными конфликтами: пределы регулирующего воздействия. М.: Паритет, 2008. 68 с. (8 печ. л.)
4. Манойло А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. М.: Горячая линия — Телеком, 2003. 541 с.: ил. (34,64 печ. л.)
5. Манойло А.В. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник. / В.Б. Вепринцев, А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов / под ред. проф. А.И. Петренко. — М.: Горячая линия — Телеком, 2005. 495 с.: ил.
6. Манойло А.В. Война в Южной Осетии: психологическая обработка общественного мнения стран ЕС / Политэкс (Политическая экспертиза). 2009. №3. С. 65-76.
7. Манойло А.В. Мирное разрешение конфликтов: национальные концепции, модели, технологии / Власть. 2008. №8. С. 79-84.
8. Манойло А.В. Модели и технологии психологического управления международными конфликтами / А.В. Манойло // Дипломатическая служба. 2008. №2. С. 33-41.
9. Манойло А.В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами / А.В. Манойло // Политэкс (Политическая экспертиза). 2008. №3. С. 62-73.
10. Манойло А.В. Психологические операции США в Ираке. / А.В. Манойло // Космополис. 2008. №1. С. 124-128.
11. Manoilov A.V. Gestion de la guerre psychologique dans le cadre de la politique informationnelle de l'Etat // 2004. №2.